Исторические Авантюры

Александр Широкорад

РУССКАЯ МАТА ХАРИ

Тайны петербургского двора

Исторические авантюры

Александр Широкорад

Русская Мата Хари. Тайны петербургского двора

«Алисторус»

2011

Широкорад А. Б.

Русская Мата Хари. Тайны петербургского двора / А. Б. Широкорад — «Алисторус», 2011 — (Исторические авантюры)

Спецслужбы и заговорщики во все времена использовали для своих целей фавориток высокопоставленных лиц. Не стала исключением и Россия начала XX века. Матильда Кшесинская, особа, близкая к последнему императору и двум Великим князьям из Дома Романовых, так же «дружила» с ними не бескорыстно. С ее помощью вокруг русского престола стремительно закручивались авантюры, истоки которых находились не только в России, но и за рубежом. Чье золото текло в карманы прелестной Матильды, на кого работала на самом деле женщина, очаровавшая всю мужскую половину царского семейства? Об этом новая книга известного писателя-историка Александра Широкорада.

© Широкорад А. Б., 2011
© Алисторус, 2011

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Борисович Широкорад Русская Мата Хари. Тайны петербургского двора

Глава 1 Кто вы, Матильда Кшесинская?

После долгих лет официального забвения вновь взошла звезда Матильды Кшесинской. За последний десяток лет несколько раз переиздавались ее воспоминания. О ней пишут статьи, книги, снимают кинофильмы. Кто же она такая? Звезда русского балета – бесспорно. Но почему напрочь забыты те, с кем Кшесинская выступала на сцене и кого современники считали звездами балета той же величины? Почему никто, кроме узкого круга любителей балета, не знает имен Ольги Преображенской, Тамары Карсавиной, Веры Трефиловой, Ольги Спесивцевой, Юлии Седовой, Елизаветы Герд и многих других? У нас чуть-чуть помнят блистательную Анну Павлову, да и то в значительной степени из-за внимания, уделенного ей советским агитпропом (книги, фильмы).

А может, помнят Матильду потому, что она была «женщиной-вамп», уложившей в свою постель наследника престола и двух великих князей?

А может, из-за того, что Кшесинская стала знаковой фигурой начала XX века, такой же, как Распутин, Азеф и Гапон?

Я думаю, что верны все три предположения, причем два последних явно перевешивают первое.

Тем не менее современные авторы описывают жизнь Матильды как балет, такой, каким он виден из партера. Блестящий танец примы, и вот на сцене появляются принцы – один, второй, третий… Затем они уходят за кулисы, где-то злодеи убивают двух прекрасных и добрых принцев, но третий возвращается. На сцене свадебный пир.

Нет, увы, жизнь Матильды – не «Золушка» и не «Лебединое озеро».

Матильду сделало знаменитой ее время. Говоря иными словами, сильная личность оказалась в нужное время в нужном месте. Родись Распутин на пятьдесят лет раньше, он так и остался бы конокрадом. Родись в один день с Матильдой Валерий Чкалов и Юрий Гагарин, мы никогда бы не узнали об их существовании. Вспомним, как в начале 1789 года захандрил со скуки и отсутствия перспектив младший лейтенант Наполино Буона Парте. С горя он подал прошение русскому генерал-поручику Ивану Заборовскому о приеме его на русскую службу. Но, увы, Заборовский резко отклонил просьбу Наполино. Тут была и неприязнь к корсиканцам, да еще этот молокосос просил сразу чин майора. А затем в Валанс – французский Урюпинск – пришла весть о падении Бастилии. Без 14 июля 1789 года никогда не было бы ни Тулона, ни Аустерлица, ни горящей Москвы, ни острова Святой Елены, ни роскошного саркофага во Дворце инвалидов.

Поэтому я и хочу рассказать о Матильде Кшесинской в контексте ее времени.

Глава 2
Детские годы

Рассказ Матильды о своих предках удивительно напоминает рассказ Дмитрия Самозванца. В начале XVIII века умирает польский магнат граф Красинский, оставив огромное состояние малолетнему сыну Войцеху. Но его злодей-дядя решил захватить имения малыша. Злодей подсылает к Войцеху наемных убийц. Камердинер, спасая ребенка, бежит в Париж и записывает его там под фамилией Кшесинский. Через 22 года Войцех приезжает в Варшаву и требует наследство у злодея-дяди.

Были ли у дяди «мальчики кровавые в глазах» – не известно, но он объявил племянника самозванцем и велел гнать взашей. В итоге семейство Кшесинских стало профессиональными актерами.

Дед Матильды Ян Кшесинский с самого раннего детства отличался незаурядными музыкальными способностями и стал скрипачом-виртуозом. Говорят, что он концертировал с самим Никколо Паганини. В молодости у деда был прекрасный тенор, за что он получил прозвище Соловей и исполнял ведущие партии в варшавской Опере. А польский король Станислав Август называл Яна «мой соловушка». Но с возрастом голос у него пропал, и Ян перешел в драматический театр, где стал знаменитым актером. Ян дожил до 106 лет и умер от несчастного случая – угорел.

Феликс, отец Матильды, с 8 лет обучался в Варшаве хореографии у балетмейстера Мориса Пиона. Сначала Феликс занимался классическими танцами, но позже увлекся характерными танцами и комическими ролями и стал исполнять только их.

В 1835 году, в четырнадцатилетнем возрасте, Феликс впервые выступил в Калише перед императором Николаем I. В это время под Калишем в честь прусского короля Фридриха-Вильгельма III устраивались грандиозные военные парады, и в связи с этими торжествами там построили театр и доставили из Варшавы самых лучших артистов.

В 1851 году Николай I распорядился выписать из Варшавы в Санкт-Петербург пять танцовщиков и пять танцовщиц, исполнявших мазурку. Среди них оказался и Феликс Кшесинский. Точнее, в Петербург приехал не пан Кшесинский, а пан Кржезинский. Именно так предки Матильды именовались в Польше. Но поскольку русские люди с трудом выговаривали оную фамилию, Феликс записал себя Кшесинским.

Однако во время исполнения балета «Катаджина» в Варшаве Феликс сильно повредил руку и поэтому задержался. Его дебют в петербургском Александровском театре состоялся только 30 января 1853 года. В балете «Сельский праздник» Феликс танцевал краковяк, мазурку и pa de trios со Снетковой и Паркачевой 1-й. С этого времени отец Матильды поселился в Петербурге и прожил там до самой смерти.

Отношение к мазурке в семье Кшесинских было особое. Матильда писала: «Никто не танцевал мазурку так, как это делал мой отец, который вкладывал в этот танец весь свой темперамент. Отец научил меня мазурке, и она стала неотъемлемой частью меня самой… Критики подчеркивали, что за всю сценическую жизнь отца ему не нашлось равных в исполнении мазурки. Именно благодаря ему мазурка вошла в моду в Петербурге и Москве, где до этого ее не танцевали ни в балете, ни на балах, ни при дворе».

В день именин великой княгини Ольги Николаевны, 11 июля 1851 года, в Петергофе должно было состояться гала-представление под открытым небом. Николай I, обожавший балет, очень полюбил мазурку. Поэтому на генеральной репетиции царь пожелал, чтобы на празднике обязательно исполнили этот танец. Но артисты не взяли с собой национальных польских костюмов, и Николай разрешил им выступать в костюмах неаполитанских рыбаков.

В Петербурге Феликс Иванович женился на балерине Юлии Доминской, вдове балетного танцовщика Леде. От первого брака у нее было пять детей, во втором родилось еще четверо: Станислав, Юлия, Иосиф-Михаил и младшая – Матильда-Мария. Родилась Маля, как ее называли, 19 августа (1 сентября) 1872 года в местечке Лигово, в тринадцати верстах от Петербурга.

Феликс Кшесинский не был мотом и на жалованье в императорском театре, плюс подработки, сумел купить себе у генерала Гаусмана небольшой двухэтажный деревянный дом с садом, огородом, молочной фермой и птичьим двором.

Кшесинская с любовью вспоминала этот дом и время, проведенное там: «Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге… На высоком берегу речки Орлинки стоял роскошный двухэтажный дом, из окон которого открывался вид на окрестные поля и долины. Отец обустроил дом по-своему, обшил досками и перекрасил стены. Но главным новшеством стала большая столовая, так как прежняя была слишком мала для нашей многочисленной семьи и постоянно приезжавших гостей. От старой столовой отказались, а вместо нее отец устроил новую, просторную и светлую, с огромным столом, за которым всем хватало места.

На протекавшей внизу речке Орлинке, прямо напротив нашего дома, оборудовали пляж с купальней. Недалеко от дома находился большой огород и фруктовый сад, а за садом начинался старый густой лес, куда я часто ходила по грибы. В имении был большой скотный двор и птичник. На широких лугах косили великолепную траву для скота. Дети очень любили это время. Перед началом сенокоса готовилось традиционное угощение для косарей. Отношения с местными крестьянами сложились отличные. Крестьяне уважали отца за его доброжелательность и справедливость и переносили свои симпатии на меня. Благодаря бережливости и дальновидности отца дела шли прекрасно, и везде царили согласие и порядок. И хотя жили мы экономно, во всем чувствовался достаток. В детстве я обычно проводила лето в имении и пережила там много прекрасных дней».

Феликс Кшесинский руководил усадьбой и работой в поле и огороде, а его жена Юлия управляла домом. Кухарку и горничную Кшесинские привозили из Петербурга, а для помощи в буфетной и на кухне нанимали местных крестьянок.

Детям в Красницах жилось привольно и сытно: «Весь день мы бегали по саду, объедаясь фруктами и ягодами, а в пять вечера стол снова ломился от яств. Простокваша, топленое молоко, густая сметана, выпечка – все это мы поглощали с завидным аппетитом, устав за день от игр и беготни. В девять вечера был ужин, состоявших из двух горячих и холодных блюд. К ним добавлялись домашние маринады и соления, ветчина, копченый сиг и различные лакомства, привезенные отцом из города. Одним словом, всего и не перечислишь».

Естественно, от такой жизни Маля за лето растолстела, и в начале учебного года учитель Лев Иванов сделал ей выговор перед всем классом: «Жаль, что такая талантливая артистка так сильно располнела».

В Петербурге семейство жило на съемных квартирах. «Мы снимали просторные апартаменты в самом фешенебельном районе города, – пишет Матильда. – У нас всегда была большая гостиная, где отец проводил занятия, которые я так любила. Из салона слышались звуки вальса или мазурки, а я, тогда совсем еще ребенок, приплясывала, как умела, в такт музыке».

В свободное от театра и уроков время Феликс любил что-нибудь мастерить, сильно преуспев в этом «малом искусстве». Настоящим его шедевром стал макет Большого театра в Петербурге. Создавая его, Феликс не упустил ни одной, даже самой мелкой детали. Декорации поднимались и опускались, как в настоящем театре, действовало настоящее сценическое освещение с маленькими масляными лампочками, а с помощью специальной рукоятки можно было производить смену декораций. После смерти Феликса его семья подарила этот макет Театральному музею Алексея Бахрушина в Москве. Туда же Кшесинская передала свой первый поль-

ский костюм, который сама сшила, когда ей было всего четыре года, а также детские балетные туфельки, в которых выступала на сцене Большого театра в «Коньке-Горбунке».

В семье Кшесинских любили детей, гостей и праздники, а самым веселым и любимым летним праздником Матильды был ее день рождения, который торжественно отмечался в Красницах 19 августа. Феликс устраивал праздник так, что о нем долго помнили не только в окрестных деревнях, но и в соседних имениях и на дачах.

С утра появлялись крестьяне, поздравляли Малю с днем рождения и дарили подарки – кто корзинку со свежими яйцами или ягодами, кто вышитые крестиком полотенца, а также творог, сметану, грибы. К Кшесинским в этот день приезжали многочисленные гости из Петербурга и соседних имений. Размещали их не только в доме, но и в сарае и на сеновале. «Помню, что как-то из озорства мы стащили лестницу, – вспоминает Матильда, – и один из гостей, решивший отдохнуть на чердаке после бурно проведенного дня, не знал, как ему оттуда спуститься».

А вечером около дома вспыхивала иллюминация, и начинался фейерверк. Со всей округи к дому Кшесинских сходились люди, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

К праздничному ужину Феликс всегда готовил для дочери всевозможные сюрпризы, чтобы как можно больше порадовать ее. Об одном таком сюрпризе 90-летняя Матильда вспоминала с улыбкой: «Однажды отец подвесил под потолком венок из живых цветов, который во время ужина опустился прямо мне на голову. В следующий раз, когда ему захотелось повторить этот трюк, венок опустился по ошибке на голову моего несколько туповатого соседа по столу, что вызвало общий смех».

Феликс и его жена Юлия были набожными католиками. Позже Матильда вспоминала: «К Пасхе отец сам готовил куличи. Он надевал белый передник и сам месил тесто, непременно в новом, деревянном корыте. Куличей по традиции пекли двенадцать – по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из масла агнца с хоругвью. В Страстную субботу приглашали ксендза благословить пасхальный стол…

Родители придерживались католического вероисповедания, а Сочельник праздновали по старинному обычаю. Есть нельзя было до шести часов вечера, до первой звезды. Во время ужина, который был главным событием дня, в полной мере проявлялись кулинарные способности отца. Считалось, что на столе должно быть тринадцать постных блюд, каждое из которых имело свое символическое значение. Однако со временем их количество уменьшилось до семи. В числе обязательных рыбных блюд был судак попольски, а также жареная рыба. Затем подавали два вида рыбного супа в двух супницах, которые ставили рядом с матерью, и она разливала супы. В одной супнице была уха по-русски, а в другой – по-польски, со сметаной. Польскую уху я очень любила и до сих пор вспоминаю с большим удовольствием… После ужина зажигали елку, под которую клали подарки.

Этот обычай я соблюдала всю свою жизнь, и по сей день для меня нет большего удовольствия, чем зажечь елку и раздать подарки».

Естественно, что все дети были крещены в костеле и воспитывались католиками. Забегая вперед, скажу, что Матильда в нужные моменты будет показывать себя верной католичкой, затем не менее истовой православной, но на самом деле будет относиться к религии достаточно прагматично. Равно как она никогда не станет ни польской националисткой, ни русской патриоткой. Она будет космополиткой. Разумеется, автор имеет в виду подлинное значение этого термина, а не то, которое придавалось ему у нас в начале 1950-х годов. Волей-неволей так и напрашивается сравнение с Мариной Мнишек.

Карьера Матильды была предопределена заранее в семье, где главной темой был балет. «Я была любимицей отца, – пишет Кшесинская. – Чувствуя мою тягу к театру и видя врожденный талант танцовщицы, он надеялся, что я продолжу славную семейную традицию и добьюсь успеха на сцене, где блистал его отец и он сам. Уже в три года я безумно любила танцы, и отец,

желая доставить мне удовольствие, брал меня с собой в Большой театр[1], где ставились оперы и балеты. Мне очень нравилось ездить туда вместе с отцом».

Одно такое посещение запомнилось Матильде на всю жизнь: «Отец взял меня в Большой театр на балет «Конек-Горбунок» и устроил в одной из закулисных лож, предназначенных для артистов.

«Конек-Горбунок», поставленный впервые Сен-Леоном 3 декабря 1864 года в бенефис Муравьевой, был очень красивым спектаклем, вполне доступным пониманию даже такой маленькой девочки, которая только начинала приобщаться к театру, но уже успела полюбить его всей душой. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре. Ему удалось создать незабываемый сценический образ. Усадив меня в кресло, отец ушел в свою уборную, чтобы подготовиться к выходу на сцену.

Я осталась одна. Вся прелесть артистических лож заключается в том, что они находятся над сценой, и оттуда можно было не только следить за представлением, но и наблюдать за сменой декораций во время антрактов. Разумеется, меня все это очень заинтересовало. Никогда не забуду, с каким восторгом я смотрела спектакль, с каким вниманием наблюдала за танцами и игрой отца, как удивлялась красочному оформлению и световым эффектам на сцене. День неожиданно сменялся ночью с ярким месяцем на небе, а потом вдруг начинал дуть сильный ветер, и разражалась настоящая буря. Все это казалось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным».

После представления Маля спряталась за креслом, чтобы остаться в театре до вечернего спектакля, который должен был начаться через пару часов. «Из своего укрытия я могла наблюдать, как расставляются новые декорации для вечернего представления. Ах, как мне было интересно!» – вспоминает Матильда.

А отец, смыв грим и переодевшись, спокойно поехал домой. Он был так доволен спектаклем, что позабыл обо всем на свете, в том числе и об оставшейся в театре дочке. И только когда его испуганно спросили: «А где же Маля? Что ты с ней сделал?» – он воскликнул: «Я совсем забыл о ней и оставил в театре!..» – и помчался обратно в театр.

А в это время маленькая Маля, устроившись за креслом, с замиранием сердца наблюдала за тем, что происходит на сцене. Увидев отца, она попыталась спрятаться под сиденьем, в надежде остаться незамеченной. Но Феликс извлек ее оттуда и отвез домой.

«Теперь Большого театра в Петербурге уже нет, – с сожалением пишет Кшесинская. – Его разрушили еще в прошлом веке, а на его месте построили Консерваторию, при которой был театр. С Большим театром связаны мои первые театральные впечатления, именно там родилась моя любовь к сцене. Мое первое выступление тоже состоялось здесь. Здесь же, но уже в помещении театра при Консерватории, прошло и мое последнее выступление в России».

В восемь лет Малю отдали в Императорское театральное училище – ранее его окончила ее мать, а теперь там учились ее брат Иосиф (Юзеф) и сестра Юлия. «Все дети проходили медицинское обследование и проверку на наличие хореографических способностей. Отбор был очень строгим и придирчивым, и принималась только часть желающих там учиться».

Училище размещалось в огромном казенном здании на Театральной улице. Оно занимало оба этажа этого длинного двухэтажного дома. На первом этаже (бельэтаж) жили ученики-мальчики, а на втором – девочки. На каждом этаже располагались залы для занятий – с высокими потолками и огромными окнами. На первом этаже находился прекрасно оборудованный театр, в котором было только два ряда стульев. Там ставились выпускные спектакли, которые затем показывались на сцене Михайловского театра.

По правилам училища наиболее способные ученики жили на полном пансионе, а менее способные жили дома и приходили в училище только на занятия. Все трое Кшесинских были

[1] Большой театр в Петербурге был разрушен в конце XIX века, а на его месте построили Консерваторию.

приходящими – но не потому, что их таланта не хватало для зачисления на пансион, а по специальному распоряжению, в признание заслуг их отца. Матильда пишет, что «…родители были против того, чтобы дети находились вне семьи. Им хотелось, чтобы мы были всегда рядом с ними, поэтому они сами занимались нашим образованием. Мать и отец не хотели, чтобы мы утратили связь с домом, так как считали, что самое главное – это воспитание в семье… Мы были очень счастливы, что могли жить в кругу семьи».

В первые годы учебы в Императорском театральном училище учителем Матильды был Лев Иванович Иванов – прекрасный балетмейстер, автор несравненной хореографии второго акта «Лебединого озера» и «Щелкунчика» Чайковского, а также знаменитого чардаша, поставленного на музыку Листа. Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке, которую, как казалось Матильде, он любил больше своих учеников.

Главный балетмейстер Петипа всегда и все исправлял. Так, он мог взять балет Иванова и выдать за собственное произведение. Иванов преподавал вводный курс, чтото вроде балетной азбуки, что не очень интересовало Матильду, поскольку азы балетного искусства она давно изучила дома.

В классе Иванова Матильда проучилась три года, а в тринадцать лет перешла в класс балерины Екатерины Вазем, где разучивались гораздо более сложные движения. Екатерина Вазем зорко следила за своими ученицами и задерживала их после занятий, если видела, что движения были неправильными или лишенными грации. К Матильде она относилась хорошо, только иногда с улыбкой напоминала: «Кшесинская, не морщи, пожалуйста, лба, а то состаришься раньше времени». И все же Матильде казалось, что и в этом классе «не было творческой атмосферы, так как и эти движения и па я давно уже изучила и они не представляли для меня особого интереса и не могли увлечь».

Лишь в пятнадцать лет, когда она попала в класс к Христиану Петровичу Иогансону, Маля не только почувствовала вкус к учению, но стала заниматься с настоящей страстью. Кшесинская обнаружила незаурядный талант и огромный творческий потенциал. Об Иогансоне она вспоминала: «Он был не только учителем, но и вдохновенным творцом-романтиком. Будучи человеком умным и очень наблюдательным, он делал весьма меткие замечания, оказавшие большое влияние на наше артистическое развитие. Каждое движение имело у него определенное значение и выражало какую-либо мысль или настроение. Именно этому он и старался нас научить».

Весной 1890 года Матильда окончила училище экстерном и как Кшесинская 2-я была зачислена в труппу Мариинского театра. Кшесинской 1-й была ее сестра Юлия, служившая в кордебалете Мариинки с 1883 года. Уже в первый свой сезон Кшесинская станцевала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере (тогда было принято делать в оперных представлениях танцевальные вставки). Роли были небольшие, но ответственные и позволяли Мале блеснуть своим талантом.

В старости Матильда писала о жизни в училище: «Все контакты между мальчиками и девочками были строго запрещены, и требовалась незаурядная ловкость и изобретательность, чтобы обменяться записочками или хотя бы улыбками. Во время репетиций и уроков танца классные дамы зорко следили за тем, чтобы между мальчиками и девочками не было никаких многозначительных взглядов и условных жестов. И все же нам каким-то образом всегда удавалось переброситься словом и пофлиртовать. Это давно стало традицией, и у каждой из нас был приятель, с которым мы могли пококетничать. Такая игра доставляла нам огромное удовольствие. Наши мимолетные романы и увлечения были совсем еще детскими. Однако, несмотря на все запреты и строгий, почти монастырский уклад жизни, бывали случаи, когда возникшая между учениками симпатия перерастала в настоящую любовь».

Зато летом в Красницах царили совсем другие правила. К Кшесинским постоянно приезжали гости из Петербурга, особенно много их было по субботам и воскресеньям. Любили к ним наведываться и соседи, среди которых преобладали молодые люди.

Матильда росла умной и развитой девочкой. О таких А.П. Чехов писал, что они «с двенадцати лет научились не замечать этих несносных мужчин».

О своих увлечениях Матильда вскользь упоминает в «Воспоминаниях»: «Четырнадцатилетней девочкой я стала кокетничать с молодым англичанином Макферсоном. Я не была в него влюблена, но мне нравилось флиртовать с красивым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал к нам со своей невестой, и это больно задело меня. Такого оскорбления я стерпеть не могла и решила отомстить. Выждав подходящий момент, когда все собрались за столом и англичанин сел рядом с ней, я, как бы случайно, завела разговор о том, что люблю рано утром, еще до утреннего кофе, ходить в лес за грибами.

Я с воодушевлением описала прелести ранней прогулки в надежде, что рыбка попадется на крючок. Ждать пришлось недолго. Макферсон любезно попросил разрешения меня сопровождать. Бросив взгляд на его спутницу, я секунду помолчала, а потом сказала, что не возражаю, если он получит на это ее разрешение. Это было сказано в присутствии всех гостей, и ей не оставалось ничего другого, как согласиться. На следующее утро мы с Макферсоном чуть свет отправились в лес за грибами. Он подарил мне прелестное портмоне из слоновой кости, украшенное незабудками. Подобный подарок как нельзя лучше подходил такой девушке, как я. Со сбором грибов в то утро у меня не ладилось, а под конец прогулки вообще создалось впечатление, что англичанин напрочь забыл о своей невесте. После этого я стала получать от него любовные письма и цветы. Но очень скоро это развлечение мне надоело. И все же его свадьба с этой девушкой расстроилась. Это был первый грех, который я взяла на душу».

Впервые Маля вышла на сцену в первый год после поступления в училище. 30 августа 1881 года она вместе с другой ученицей, Андресон, на сцене Большого театра в балете «Дон Кихот» выступила в роли марионетки, которую великан водил на шнурочках. Танец исполнялся на пуантах. «Я не испытывала никакого страха и была очень счастлива», – вспоминает Матильда об этом выступлении.

В училище девочки сами участвовали в балетных спектаклях и присматривались к тому, как танцуют балерины. «Чем старше и опытнее мы становились, тем легче нам было оценить мастерство той или иной танцовщицы, отметить все ее достоинства и недостатки и составить о ней собственное мнение, сравнить их мастерство и понять, на каком уровне находится наше».

За время учебы Кшесинской в училище балет в Петербурге начал приходить в упадок. Балерины старшего поколения уже не могли служить примером для учениц, и любовь к танцам у Матильды стала угасать. Одно время она даже подумывала о том, чтобы оставить училище. Но тут на сцене появилась Виржиния Дзукки. Она была уже немолода, но ее талант находился в полном расцвете. «Эта балерина произвела на меня огромное и незабываемое впечатление, – вспоминает Кшесинская. – После выступлений Дзукки мне казалось, что только сейчас я поняла, как нужно танцевать, чтобы получить право называть себя актрисой. У Дзукки была необычная и очень экспрессивная мимика. Каждому па классического танца она придавала неповторимое очарование и красоту, которые заставляли весь зал замирать от восторга.

Танец Дзукки был и оставался для меня вершиной балетного искусства. Благодаря ей я поняла, что в искусстве виртуозная техника должна быть лишь средством выражения, а не целью».

И с момента появления Дзукки в Петербурге Кшесинская начала усиленно заниматься, чтобы стать такой же великой балериной, как она.

23 марта 1890 года в Императорском театральном училище состоялся выпускной спектакль, на котором присутствовали Александр III и другие члены августейшей фамилии. «Еще до окончания училища я прочно обосновалась на сцене и могла блеснуть на выпускном экза-

мене… Этот экзамен сыграл решающую роль во всей моей дальнейшей жизни», – вспоминает Кшесинская.

Матильде, как лучшей ученице, позволили самой выбрать танец для выпускного экзамена, и она выбрала pa de deux из «Тщетной предосторожности», которое исполнялось под мелодию неаполитанской песни «Звезда надежды». В голубом костюме, украшенном букетиком ландышей, Матильда была великолепна.

После спектакля всех учениц собрали в большом репетиционном зале. Туда же пришло все руководство, классные дамы, учителя и служащие дирекции Императорских театров во главе с И.А. Всеволжским. Туда же направилась и царская семья: Александр III с императрицей Марией Федоровной, цесаревич Николай и четверо братьев императора: великий князь Владимир Александрович с супругой великой княгиней Марией Павловной, великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и великий князь Павел Александрович с супругой Александрой Георгиевной, а также генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич с четырьмя сыновьями.

По традиции сначала представляли воспитанниц-пансионерок, а потом приходящих учениц. Но Александр III, войдя в зал, громко спросил: «А где же Кшесинская?»

Дальнейшее Матильда описывает так: «Я стояла в стороне, и такое нарушение общественных правил для меня было полной неожиданностью. Начальница и классные дамы совсем растерялись, так как они собирались представить императору двух отличниц, Рыхлакову и Скорсюк. Однако вместо них пришлось вывести меня. Я сделала глубокий реверанс, а император протянул мне руку со словами: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета»…

Я была настолько ошеломлена, что с трудом понимала, что происходит вокруг. Слова императора звучали в ушах как приказ. Стать красой и гордостью русского балета – вот какая мысль завладела мной. Не обмануть доверие государя и отдать этому все свои силы… Это стало для меня смыслом жизни».

После спектакля состоялся торжественный обед. Александр III усадил Кшесинскую рядом с собой. С другой стороны от Матильды он посадил своего наследника – Ники (будущего Николая II) и при этом, улыбаясь, сказал: «Смотрите, только не флиртуйте слишком».

Ники правильно воспринял совет отца, но несколько минут думал, как начать разговор. «Перед каждым прибором стояла обычная белая кружка. Наследник престола посмотрел на нее и, обращаясь ко мне, спросил:

– Наверняка дома вы не пьете из таких кружек?» Так начался роман.

Глава 3
Романовы – их театр и их метрессы

Итак, на сцене появляется юный и красивый принц и сразу же без памяти влюбляется в Золушку. Современному обывателю, а главное нашей прекрасной половине ситуация кажется сказочной. Но, увы, информированным петербуржцам конца XIX века эта история казалась более чем банальной.

Дело в том, что до революции 1917 года Императорский балет представлял нечто вроде коллективного гарема для семейства Романовых. Гораздо проще перечислить великих князей, не имевших любовниц-актрисок, чем наоборот. Иногда романы затягивались, и у многих великих князей создавались вторые семьи. Так, у великого князя Константина Николаевича с балериной Анной Кузнецовой было пятеро детей, получивших фамилию Князевы. У великого князя Николая Николаевича старшего от балерины Екатерины Числовой было четверо детей, получивших фамилию Николаевы. Великий князь Николай Николаевич Старший был главнокомандующим русской армии на Балканах в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Бездарный полководец, он стал героем офицерских анекдотов типа: «Вещий Олег взял Константинополь и прибил щит к его вратам, а Николай Николаевич хотел прибить к вратам Стамбула панталончики Числовой, да турки не дали» и др.

Сын Николая Николаевича был тоже Николай и тоже для начала заведовал кавалерией, а потом стал главнокомандующим русской армии. Соответственно, и у Николая Николаевича Младшего была своя актриса – Мария Александровна Потоцкая, примадонна Александровского театра.

Даже престарелый великий князь Михаил Николаевич на склоне лет завел роман с певичкой Фриде.

Возможно, мой термин «гарем» режет чье-то рафинированное ухо. Ну да не я выдумал сей термин. Конечно, можно выражаться подобно балетоманам конца XIX века, именовавшим Матильду Кшесинскую «феей Оленьего парка». Но, увы, значительный процент читателей не знает, что в Оленьем парке Версаля был гарем славного короля Луи XV, того самого, что сказал: «А после нас хоть потоп». А главное, я с пятого класса привык разгадывать шарады и недомолвки советских писателей и журналистов и читать между строк, а сейчас устал и под старость хочу называть кошку кошкой.

До 80-х годов XIX века в России существовала монополия Императорских театров. В Петербурге и Москве могли давать представления только труппы, находившиеся в государственном управлении. Все служащие в них, в том числе и женщины, находились на жалованье, а через двадцать лет службы получали пожизненную пенсию, что являлось неслыханной привилегией для русских артистов.

Дирекция управляла театральными училищами в Петербурге и Москве, а именно труппами: русскими драматическими (Александринский театр в Петербурге и Малый театр в Москве), русскими оперными и балетными (Большой, а потом Мариинский театры в Петербурге, Большой театр в Москве), французской и немецкой драматическими (Михайловский театр в Петербурге). Спектакли шли и на других площадках – в Красносельском, Каменноостровском, Китайском в Царском Селе, Эрмитажном театрах. Бюджет выделялся большой, процветало казнокрадство, плелись грандиозные интриги.

Театр в старом Петербурге – главное и почти единственное зрелище. Кинематограф проникает в Россию только в начале XX века, а пока робкую конкуренцию живой актерской игре составлял, пожалуй, только граммофон. Актеры и актрисы были популярны невероятно. Директор императорских театров тайный советник Владимир Аркадьевич Теляковский писал:

«Раз один наивный человек меня спросил: «Да что же это, наконец? В Александринском театре – Савина, в Мариинском – Кшесинская распоряжается, а вы кто же?» Я отвечал: «Директор» – «Да какой же после этого директор?» «Самый, – я говорю, – настоящий советник тайный, а распоряжаются явные директора, но в списках администрации они, как лица женского пола, по недоразумению не записаны»».

Ну а балерины в императорской России занимали специальное положение в свете с начала XIX века, со времен Авдотьи Истоминой. Любовный быт гвардейца, а на гвардию равнялся весь светский Петербург, проходил меж двух полюсов. На одном находились простолюдинки – от крепостных до мещанок. Они были доступны, а потому неинтересны. На другом – дворянки. Два тура вальса на балу, несколько разговоров один на один с девицей своего круга и альтернатива – брак или дуэль с братом конфидентки. А то обиженный папаша наябедничает губернатору, а то и самому царю – и придется уходить из полка или департамента. «Любовь свободно мир чарует» в светском Петербурге только у джентльмена и актрисы, прежде всего балерины. Балерине не прикажешь, ее не просто купить, она объект желаний многих, ее надо обольстить, понравиться.

Поэтому в XIX веке в России отношение к актрисам было своеобразное. Ими восхищались, им дарили дорогие подарки. Иметь любовницу-актрису считалось высшим шиком как для гвардейского корнета, так и для великого князя. А вот после вступления в брак с самой знаменитой примадонной корнету приходилось немедленно подавать в отставку.

Вспомним роман «Война и мир». В первом его томе Пьер Безухов с пьяными в стельку Долоховым и Анатолем Куракиным в полночь собираются в гости к актрисам:

«– Едем, – закричал Пьер, – едем!.. И мишку с собой берем…

И он ухватил медведя»[2].

Зато во втором томе Пьер с презрением отчитывает того же Анатоля Куракина за флирт с Наташей Ростовой. А флиртовал он, заметим, трезвый и уж конечно без медведя. И самое интересное, что Лев Николаевич писал это не с сарказмом, не для контраста! По мнению Толстого, поведение Пьера в обоих случаях укладывалось в нормы тогдашней морали.

А вот пример из жизни. В столичном ресторане Кюба на Большой Морской собралась великокняжеская компания, где заводилами были великие князья братья Алексей и Владимир Александровичи, причем последний был с супругой великой княгиней Марией Павловной. В соседнем кабинете веселились гости французской труппы популярного актера Люсьена Гитри. По настоянию Марии Павловны французы присоединились к великокняжеской компании. Когда Владимир Александрович поцеловал подружку Гитри актрису Анжел, Гитри попытался обнять великую княгиню. Владимир начал душить актера. Полез драться и пьяный Алексей, известный под кличкой «Семь пудов августейшего мяса». Французы дали сдачи.

Официанты вызвали полицию. Начальник полиции вошел в кабинет, и в этот момент Алексей швырнул ему в лицо блюдо с икрой. Утром о дебоше доложили Александру III. Взбешенный царь приказал в тот же день выслать из России как актера Гитри, так и великокняжескую чету.

Директору императорских театров следовало считаться с влиятельнейшей при дворе партией балетоманов. Тот же Теляковский писал: «…балетоманы, эти оберегатели и хранители настоящих балетных традиций, в то время почитались в высших сферах как люди не только серьезные и полезные, но и необходимые для дальнейшего процветания этого важного для страны искусства. У настоящего балетомана влечение к балету было основано, главным образом, не столько на любви к хореографическому искусству, сколько на настоящей, неподдельной любви к очаровательным молодым исполнительницам танцев. Это были не просто любители – это были своего рода поэты, глубокие знатоки слабого пола и особые его ценители – как на

[2] *Толстой Л.Н.* Война и мир. М.: Правда, 1978. Т. I. С. 42.

сцене, так и вне ее. Когда поднимался занавес, все балетоманы, как по мановению волшебного жезла, наводили самые разнообразные оптические инструменты на сцену, и, когда попадали в точку – в сердце своей любви, на лицах их, несмотря на зрительный инструмент, можно было ясно заметить улыбку.

Со сцены ответ. Устанавливался общий любовный ток между сценой и балетоманами, и ток этот, то ослабевая, то вновь напрягаясь, продолжался во время всего действия – прерываясь временами дружными аплодисментами. Тут были и люди императорской свиты, и придворные, и генералы, вплоть до полных чином и физически, и золотая молодежь, и директора департаментов, и бывшие губернаторы и генерал-губернаторы, и отставные генералы и адмиралы, и люди финансового мира, и бывшие и настоящие рантье, редакторы и сотрудники газет, и учащаяся молодежь, и, наконец, такие профессии и происхождение которых невозможно было определить по полному отсутствию данных. Через лазейку балетоманства обделывались крупные дела. Так, например, один из балетоманов В. получил заказ на поставку железных частей для Троицкого моста в Петербурге через даму сердца другого балетомана, имевшего влияние на сдачу этой поставки. Мало того что получил, но с самыми минимальными затратами (корзиной цветов он отблагодарил балетную артистку) он нажил десятки тысяч!».

Такое внимание влиятельных лиц к театру, с одной стороны, увеличивало бюджет ведомства, с другой – способствовало интригам и борьбе театральных клак. Но, кроме взаимодействия с этими достаточно влиятельными «любителями», кроме внутритеатральных интриг (а, как известно, нет среды более нездоровой и скандальной, чем театральная), директора императорских театров почти ежедневно виделись с самими династами – императором и великими князьями. Даже министры не имели возможности видеться с царем и царицами чуть ли не ежедневно.

Вот как обстояло дело в 1900–1910 годах: «Вся императорская фамилия, начиная с государя, охотно посещала императорские театры, а в театры частные за очень редкими исключениями совсем не ездили. Государь и обе императрицы посещали почти одинаково оперу и балет, а также французский театр и несколько менее Александринский театр. То же самое можно сказать и о великом князе Владимире Александровиче, и о Марии Павловне, и о Павле Александровиче. Алексей Александрович чаще всего посещал французский театр и Александринский, менее – балет и оперу. Великие князья Сергей Михайлович, Борис и Андрей Владимировичи особенно любили балет, а Борис Владимирович еще и французский театр, так же, как и Кирилл Владимирович. Константин Константинович больше ездил в Александринский театр и в оперу, гораздо меньше в балет и французский театр. Николай Николаевич вообще редко ездил в театр и предпочитал Александринский, а в оперу ездил весьма редко. Принц Ольденбургский и его жена почти никогда в театр не ездили. Царские ложи, которых во всех театрах, за исключением Михайловского и Александринского, было по три, распределялись так: прилегающие к сцене боковые посещались особами императорской фамилии; среднюю же царскую занимали лица свиты государя, императриц и великих княгинь и прочие придворные чины.

Каждый антракт директору полагалось приходить в царскую ложу, чтобы получить разрешение на начало следующего акта. При этом государь иногда делал свои замечания по поводу постановки и исполнения пьесы, оперы или балета. Во время антрактов, когда все великие князья собирались в царской ложе пить чай, царило обыкновенно большое оживление. Все держали себя очень просто и совершенно не стеснялись присутствием государя. Многие даже сидели, когда он стоял. Многие курили, так что часто великие княгини жаловались на курильщиков и махали веерами и платками, чтобы разогнать дым. Царские фойе были комнаты небольшие, особенно при царских нижних ложах, потолок был низок, и воздуху было мало, когда там собиралось много народу. Особенно не переносила жары и дымного воздуха молодая императрица. Мария Федоровна же брала курильщиков под свою защиту, ибо сама после смерти Александра III стала много курить».

Итак, роман Кшесинской с домом Романовых был не случайностью, а скорее закономерностью. Принцу положено было явиться, интрига была лишь в его имени.

Кстати, пора уточнить, кто носил титул великого князя. По законам Российской империи титул великого князя автоматически присваивался при рождении сына и внука императора, а дочери императора получали титул великой княжны. Если великий князь вступал в брак с представительницей царственного рода, то его супруга получала титул великой княгини. Если же великий князь вступал в неравноправный (морганатический) брак, то император был волен дать какой-нибудь выдуманный титул, например княгиня Палей, княгиня Юрьевская и т. д., либо вообще не признать этот брак.

Все же правнуки императора по мужской линии и внуки по женской линии получали титул князей и княжон императорской крови, но никогда не могли стать великими князьями и княжнами. Так что многочисленная компания великих князей и княгинь, обитающая ныне за границей, не что иное, как дети лейтенанта Шмидта. Кстати, если верить Ильфу и Петрову, у бедного лейтенанта были и дочки – «глупые, немолодые и некрасивые».

Великие князья и княжны получали содержание от государства. Максимальная сумма была в 70-х годах XIX века – 200 тысяч рублей серебром в год. В некоторых изданиях приводятся и большие цифры – 280 тысяч рублей и т. д. Но это или ошибка, или содержание указано в рублях ассигнациями, реальная стоимость которых была в полтора раза меньше, чем серебром.

К началу XX века численность великих князей и княжон стремилась к двум десяткам и финансовое содержание их было урезано. Но, в любом случае, суммы им выплачивались немалые.

Правда, на эти деньги членам царствующего дома приходилось содержать свои дворцы, имения, яхты, собственные железнодорожные салон-вагоны и прочая и прочая. И, разумеется, тратились огромные средства на представительские расходы. Другой вопрос, что сами великие князья правдами, а большей частью неправдами пытались выудить из казны деньги на свои дворцы и яхты.

Наконец, за расходом денег любым великим князем бдительно следила его родня – родители, особенно матери, братья, сестры и др. В случае больших трат на «нецелевые нужды», в том числе на метресс, родители устраивали шалуну хорошую взбучку, а остальная родня бежала жаловаться императору. Так что очень больших сумм свободных денег у великих князей попросту не было.

Главное же – наследники Павла I были патологически скупы. Это в XVIII веке в государеву спальню офицер мог войти бедным, а то и просто нищим, а выйти оттуда богатейшим человеком России. В XIX веке время Разумовских, Орловых, Потемкиных и Зубовых кануло в Лету. У Александра I и Николая I было много десятков интрижек, но их дамы получали крохи: 100–500 рублей, а то и вообще ничего.

Александр III жил крайне скромно. В своей единственной северной резиденции – Гатчинском дворце – он занимал лишь несколько небольших комнат в правом крыле. Царь неоднократно приказывал зашивать свои старые штаны и т. д. Подобной скупостью отличались Николай II и его супруга Александра Федоровна. В 20 лет, беседуя с древней бабулей «из бывших», я был удивлен, услышав: «…когда я в 1930 году посетила императорскую спальню в Александровском дворце, мне показалось, что я попала в комнату “горняшки”».

Конечно, не все так просто. И Александр III, и его сын тратили огромные деньги на строительство новых дворцов, содержание двенадцати императорских яхт, наиболее крупные из которых – «Ливадия» и «Штандарт» – равнялись по водоизмещению крейсеру, но стоили гораздо дороже. Но, повторяю, в личной жизни они были крохоборы. Так, к примеру, царь лишь один раз дал Распутину 10 рублей, но старец брезгливо отказался и до конца своих дней не получил больше ни копейки от венценосной четы.

О жадности Романовых свидетельствует и одна весьма любопытная история, которую я хочу начать с конца. Дождливым февральским днем 1918 года по ташкентским улицам двигалась большая похоронная процессия. За гробом шел отряд красногвардейцев, кумачовые знамена были увиты черными лентами. Оркестр выводил: «Вы жертвою пали…» На тротуарах толпились тысячи горожан, и никто не спрашивал – «кого хоронят». Все знали: Ташкент прощается со своим князем – великим князем Николаем Константиновичем, внуком Николая I. Разумеется, большевики отдавали почести не великому князю, а старейшему в России узнику самодержавия. Николай Константинович сидел при Александре Освободителе, при Александре Миротворце, при Николае Кровавом, и лишь министр юстиции А.Ф. Керенский освободил его из бессрочной ссылки. Великий князь провел в тюрьмах и ссылках 43 (!) года, а декабристы – всего 31 год. Когда в тюрьмы стали поступать первые народовольцы, великий князь «мотал» уже 6-й год.

А началось все традиционно – с романа с американской актрисой Фанни Лир. Подобные увлечения, как уже говорилось, были нормой дома Романовых. Но Николай оказался натурой увлекающейся и посмел посягнуть на фамильные драгоценности Константиновичей. В результате и Николай, и Фанни были арестованы жандармами. За Фанни, как за гражданку США, вступился американский посол. Но шефу жандармов графу Шувалову все было нипочем, тогда к канцлеру Горчакову обратился с нотой дуайен (старейшина дипломатического корпуса). Фанни пришлось освободить и даже извиниться, а вот Николай был лишен титула и всех прав и отправлен в места не столь отдаленные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.